Рукотворный памятник великому гуманисту

Заметки к 50-летию Музея истории медицины
имени Паула Страдыня

Анатолий Блюгер

Настоящий гуманист в подлинном смысле этого слова, выдающийся врач, ученый и общественный деятель академик Паул Страдынь оставил немеркнущий след на земле. И благодарные люди сохранили его имя в названиях улиц, дали его самой крупной больнице в Латвии, назвали им созданный на базе Рижского медицинского института Рижский университет. С достоинством несут его имя потомки – продолжатели его рода и дела, ученики, верные его заветам в различных областях науки и врачевания. Но, пожалуй, истинным рукотворным памятником этому замечательному человеку, апофеозом его творческой и организаторской деятельности стало основное творение его жизни, родившееся из его хобби, увлечения историей медицины и коллекционированием относящихся к ней вещей и предметов, – Музей истории медицины.

Носящий имя своего создателя музей за полвека своего существования превратился в уникальное учреждение подобного профиля, приобрел мировую известность и стал неотъемлемым символом столицы нашей страны, таким же, как Домский собор или Домская площадь, как улица Альберта с ее неповторимой Эйзенштейновской архитектурой, как Национальный театр или Дом Черноголовых.

На протяжении многих лет с Музеем истории медицины имени Паула Страдыня меня связывали самые тесные отношения. В связи со своим должностным положением, будучи на протяжении 30 лет (1960–1991) проректором по научной работе Рижского медицинского института (ныне Рижский университет Страдыня), а с 1978. года и председателем Ученого медицинского совета Министерства здравоохранения Латвии, я был тесно связан с планированием научно-исследовательской и издательской

деятельности музея. А кроме того, мне приходилось в качестве представителя Минздрава Латвии сопровождать многочисленные именитые делегации — известных ученых-медиков, организаторов здравоохранения и медицинской науки, историков медицины и врачей в их экскурсиях по Музею истории медицины. Это учреждение относилось к самым большим достопримечательностям и включалось в обязательную программу для всех сколь-нибудь значимых делегаций медицинского профиля из Москвы, Ленинграда (ныне Санкт-Петербург), столиц союзных республик бывшего Советского Союза и зарубежных стран. Причем посещение музея, ставшего уже для нас почти ритуальным, в отличие от визитов в ряд других медицинских учреждений, было не столько обязательным, сколько чрезвычайно востребованным: гости, много наслышанные о нем еще до приезда в Ригу, сами просили нас организовать экскурсию в музей.

На моей памяти, помимо крупных делегаций министров здравоохранения всех союзных республик и председателей ученых медицинских советов всех республиканских министерств бывшего СССР, среди сопровождаемых мною посетителей были в разное время министр здравоохранения бывшего СССР академик Б.В.Петровский, его заместитель О.П.Щепин, А.Ф.Серенко, президенты Академии медицинских наук академики Н. Н. Блохин, В. И. Покровский, большое число крупных ученых того времени. Назову по памяти лишь некоторых из посещавших музей действительных членов Академии медицинских наук СССР: А.Ф.Билибин, Г.П.Руднев, И.А.Касирский, Б.Е.Вотчал, Н.С.Молчанов, Е.М.Тареев, М.В.Волков, О.К.Гаврилов, В.М.Жданов, И.Б.Збарский, Ю.Ф.Исаков, Ф.И.Комаров, А.Н.Коновалов, Ю.П.Лисицын, Д.К.Львов, С.М.Навашин, Н.И.Нисевич, В.Н.Орехович, А.С.Павлов, В.А.Насонова и др.

Отзывы после посещения музея, как правило, содержали слова восхищения и удивления от увиденного и услышанного. Восхищались масштабностью, разнообразием и полнотой его коллекции и экспозиции. На основании своих давнишних и продолжительных связей с музеем, тех впечатлений о нем, которые я слышал от многочисленных делегаций и лиц, посещавших музей, мне хочется в этих заметках к 50-летию музея рассказать о своем видении этого учреждения и его деятельности. Разумеется этот рассказ немалым без того, чтобы еще раз не обратиться к жизни и деятельности замечательного человека, стоявшего у истоков создания этого музея, профессора Паула Страдыня. О профессоре написаны многие страницы, сборники воспоминаний, изданы его труды. Мои заметки к его творческой биографии, заметки о сформировавшемся у меня образе этого замечательного человека оправданы не столько тем, что мне на жизненном пути пришлось встретить и кратковременно общаться с этим человеком, ни тем, что мне удалось познакомиться с его творчеством в процессе работы

над статьями о его жизни и деятельности и с его трудами в области клинической фармакологии, сколько, и, может быть, — это главное, я имел возможность говорить об этом человеке с теми, кто его близко знал по годам учебы в гимназии, в Военно-медицинской академии, по времени его научной, врачебной и преподавательской деятельности в Рижском медицинском институте и в больнице, которой он руководил и в которой трудился. Я имею в виду услышанное (а затем и прочитанное в воспоминаниях) о Пауле Страдыне от академика С.В.Аничкова, А.А.Шмидта, профессоров С.А.Рейнберга и А.П.Биезиня, К.К.Рудзита и многих его учеников — Э.Т.Эзерietиса, М.Б.Дубинского, Э.Б.Герцфельда и других.

Все, что мне приходилось слышать и читать о Пауле Страдыне, навело меня на мысль о том, что настало время посвятить его жизнедеятельности и творчеству добротную книгу наподобие тех, что написаны о жизни многих замечательных людей. В одном из интервью академика Я.Страдыня я с удовлетворением узнал, что мысль о такой книге он вынашивает уже давно.

1. Музей

Музей истории медицины — уникальное учреждение. По большому счету трудно найти ему аналог среди учреждений подобного рода.

Знакомящегося с ним посетителя, а тем более человека, имеющего определенное представление об этом уникальном хранилище разнообразных и многочисленных памятников вековой деятельности человека на поприще медицины, — увиденное одинаково поражает всех.

Поражают его размеры. Формально по величине своих фондов музеев занимает третье место в мире, как будто уступая лондонскому (медицинские отделы *Science Museum*) и Вашингтонскому (*Smithsonian Institution*) своим собратьям. Но это условное ранжирование, условный рейтинг, поскольку по значительному числу вещественных коллекций и по разнообразию форм, отображающих все аспекты деятельности человека в истории медицины и фармации, ему нет равных. Это в первую очередь относится к полноте отражения истории медицины от первобытного общества до наших дней, к раскрытию связи деятельности человека на поприще медицины с историей цивилизации в целом. Профессор с самого начала стремился собирать не «голую хронологию», не экспонаты и факты, исключительно отражающие закономерности истории медицины той или иной эпохи, а свидетельства деятельности человека в этой истории. И этой изначальной задачи и в дальнейшем придерживались все последователи основателя музея.

Поражают объемы и наполненность его коллекции и экспозиций. К моменту дарения профессором П.Страдынем своей коллекции государству (а под крыло Рижского мединститута музей был передан в 1952 г.) вещественная коллекция музея насчитывала несколько тысяч наименований, ежегодно пополняясь на 1000. Сегодня она увеличилась в десятки раз.

В музее построены и оборудованы полтора десятка хранилищ, в которых размещены фондовые коллекции: фармацевтическая (самая большая составляющая почти 2/3 всего объема материальных фондов), коллекция инструментов и принадлежностей, анатомических препаратов, археологических и палеонтологических материалов, произведений искусства, собранных, специально выполненных по задумкам П.Страдыня – картины, гравюры, скульптуры, диорамы, отображающие сцены из истории медицины. В хранилищах фондов музея содержится коллекция экслибрисов ученых-медиков и врачей, коллекция филателии, значков, имеющих отношение к медицине, нумизматики, коллекция медицинской одежды, коллекции мемориальных предметов и вещей, принадлежавших выдающимся медикам, коллекция плакатов, относящихся к санитарному просвещению.

Особое место в вещественном секторе фондов музея занимают произведения искусства по истории медицины. Паул Страдынь был истинным новатором в этой области. С давних пор профессор дружил со многими художниками и скульпторами, и картины, гравюры, рисунки, многие живописные иллюстрации из истории медицины, портреты ее деятелей не только приобретал, но и специально заказывал для своей коллекции, а затем и для музея. Эта коллекция произведений искусства нашего музея безусловно является его изюминкой, образцом того, как могут быть использованы произведения искусства для наглядной иллюстрации истории науки и практики, в данном случае медицины и фармации.

Огромное впечатление оставляют выполненные по идеям П.Страдыня работа его дочери Ирены «Пирогов у раненых Севастополя», где, кстати, позировал сам профессор. По его просьбе многие картины были выполнены Лео Кокле, Гунаром Цилитисом, Янисом Бректе и другими художниками.

На базе архива музея был образован другой сектор – рукописей и документов, в котором сосредоточены материалы медико-исторического характера.

Из библиотеки собраний редких книг и антикварных изданий был создан самостоятельный сектор старинных книг и уникальных изданий по медицине и фармации – от античных времен до наших дней. Для представления о нем достаточно назвать уникальные издания XVI-XVIII вв. – А.Везалия «О строении человеческого тела», Авиценны «Канон медицины», Парацельса «Книга о лекарственных средствах», Гипократа «Сборник трудов», его «Афоризмы». Среди редких книг творения К.Гуфеланда, Дж.Моргани, Б.Рамаццини, Р.Лазиннека – этот замечательный перечень можно продолжать...

Своим долгом посчитали передать музею лучшие образцы из своих собраний многие видные ученые нашей страны – К.Рудзит, М.Беленький, А.Лепукалн, В.Кальберг, А.Шмидт, А.Биезинь, К.Скулме и другие. Много книг поступило в сектор из библиотек видных ученых бывшего Советского Союза таких, как И.Саркисов-Серазини, З.Френкель, Л.Зильбер, В.Зеленин, С.Миротворцев, А.Мальков, Г.Чистович, П.Здродовский и др.

Многочисленная коллекция фотографий и кинолент была преобразована в самостоятельный сектор – фото-, фоно-, кинодокументов, в котором задокументированы и сохранены значительная часть важнейших событий в мире медицины и фармации, участвующих в них людей – ученых медиков, фармацевтов, медицинских сестер.

Масштабность музея – этого сокровища сохранившихся свидетелей истории медицины и фармации, своеобразной материализованной летописи становления и развития этих областей медицинской науки и практики хорошо иллюстрирует одна цифра – почти 200 000 единиц хранения. Для того, чтобы представить себе объем всего того, что наполняет хранилища музея, уместно отметить, что в его многочисленных залах и комнатах экспонируется не более 6–10 тысяч экспонатов, т.е. экспозиция составляет не более 5% всех сокровищ из фондов музея.

Даже трудно себе представить какой титанический труд был затрачен коллективом музея на упорядочение этого огромного материала, его систематизацию, паспортизацию образцов, классификацию и, наконец, на то, чтобы наладить их учет. Причем все время с момента основания музея продолжается работа по расширению и обновлению его фондов. В различные годы его ежегодное пополнение составляет от 2 до 4 тысяч единиц.

Музей шагает в ногу со временем, документируя и сохраняя для истории и потомков все значительные события, происходящие в мире медицины и фармации за полстолетия его существования.

Основной формой комплектования музея служат экспедиции и командировки по следам состоявшихся событий и свершений в медицине и в частности, когда это возможно, непосредственное участие во многих значимых съездах, конференциях и симпозиумах медицинского и фармацевтического профиля. Немалую роль в комплектовании музея сыграли связи с выдающимися учеными – медиками и научно-исследовательскими учреждениями, которые, благодаря авторитету музея, охотно передавали принадлежащие им предметы и вещи, даже образцы оборудования и инструментов (выше мы уже упоминали о книгах из личных собраний) в надежные «закрома» хранилищ музея. Достаточно напомнить хорошо известный факт передачи решением Российской академии медицинских наук на хранение в музей коллекции лауреата Нобелевской премии Ильи Мечникова, в которой находилась также и Нобелевская медаль ученого.

Впоследствии в музей были переданы коллекции многих ученых. В нем образовалось много таких персональных коллекций. На базе некоторых из них открыты филиалы музея – мемориальные коллекции в местах рождения выдающихся ученых нашей страны – музей проф. А.Биезиня в Мадонском районе и музей проф. Паула Страдыня в Виесите Екабпилсского района. Филиалами музея стали также части его анатомической (Музей анатомии) и фармацевтической (Музей фармации) коллекций.

За последние два десятилетия, особенно после обретения Латвией независимости, резко возросли международные контакты музея. Первой ласточкой стало содружество с Институтом истории медицины Свободного университета Берлина, установленное усилиями тесно сотрудничающего с музеем Паула Страдыня профессора Хейнца Мюллера-Дитца. Затем были налажены контакты с немецким Музеем истории медицины в Ингольштадте и с Европейской ассоциацией музеев истории медицины. Начались обмены экспонатами с другими музеями Германии (Дрезден, Дюссельдорф), а затем и других стран – Швеции, Дании, Нидерландов, Норвегии.

Мы уже говорили об огромном впечатлении, которое оставляет экспозиция музея на посещавшие его делегации, на экскурсантов и посетителей. Гости особенно впечатляли жанровые сцены из истории медицины первобытного общества и Средневековья, отображения народной медицины в запечатленных картинах, особенно в диорамах, портреты и сцены из жизни корифеев медицины, их индивидуальные коллекции и мемориальные предметы, замечательные экспонаты старинных аптек. Неизгладимое впечатление оставляла коллекция космической медицины.

Но больше всего поражал тот удивительный климат, та атмосфера академичности и уюта, которая царил в музее, тот энтузиазм, с которым руководители и специалисты музея рассказывали об его экспонатах и образцах, об его экспозициях и хранилищах. Эта атмосфера была привнесена в музей его создателем Паулом Страдынем, который по рассказам тех, кто посещал в 40-е годы его личную коллекцию, а затем – музей, в тот период, когда он еще находился в подвале и бараке больницы, сам был страстным, если так можно сказать, вдохновенным экскурсоводом и замечательным рассказчиком, увлеченно и образно поведывал слушателям о каждом экспонате, каждой картине, каждой книге.

Музей истории медицины пользуется такой широкой популярностью и имеет, смею сказать, такое большое общественное звучание в связи с той ролью, которую он играет в обществе для самых широких слоев населения. И объясняется это многоплановостью и разносторонностью его деятельности, выполняемых им функций.

Мне очень импонирует, что свои задачи, свои функции руководство музея называет миссиями, как бы подчеркивая свою особую ответственность перед обществом, особую важность решаемых музеем задач.

Главная миссия музея, по представлению его руководителей, отображать историю медицины как отрасль медицинской науки, отображать научное и практиченское развитие медицины в мире, деятельность человека в области медицины, собирать и систематизировать факты об открытиях и событиях в медицине.

Надо сказать, что эти, как и другие задачи музея, сформулировал еще профессор Паул Страдынь ко времени открытия музея в своей известной

работе, опубликованной в первом выпуске сборника «Из истории медицины» в 1957 году. Там же он наметил план исследования в области истории медицины и, в частности, истории медицины Прибалтики, которому до сих пор успешно следуют его последователи, продолжающие его дело в музее. В соответствии с этим планом музей выполняет еще две важные миссии: первая – это изучение истории медицины в связи с историей цивилизации в целом – и эта миссия составляет выигрышную черту нашего музея. И вторая миссия – это изучение истории Латвии. Естественно, что это особая миссия, завещанная основателем музея, которую его сотрудники с большой ответственностью успешно выполняют в течение всего времени.

В результате идей и стараний Паула Страдыня музей стал центром, в котором накапливаются знания, необходимые специалистам, и, что особенно важно, музей вносит ощутимую лепту в подготовку будущих врачей, являясь базой для изучения истории медицины на медицинских факультетах. Надо сказать, что существование музея, использование его экспозиции в учебном процессе позволяет превратить курс истории медицины из довольно абстрактного, каковым он является в большинстве вузов, расположенных там, где нет подобного музея, в дисциплину с конкретизированными, ощутимыми для студента знаниями, дисциплину, имеющую огромное воспитательное значение для будущих медиков. Опыт показал, что на базе музея лучше всего преподавать (и лучше всего усваивается студентами) такой важный для будущей медицинской деятельности курс, как медицинская этика.

Роль музея в привитии будущим врачам медицинской этики очень велика, учитывая, какое значение приобретают эти аспекты в условиях глубокой и широкомасштабной технизации медицины, отдаляющей врача от больного, несущей опасность дегуманизации современной медицины.

Большое воспитательное значение имеют богато представленные в музее примеры профессионального героизма медиков, проявленного в процессе познания закономерностей медицины, раскрытия природы болезней, разработки и испытания способов их диагностики и профилактики.

Широкая популярность музея, его посещаемость – около 60 тысяч человек в год, знакомящихся с коллекциями, с экспозициями музея и его филиалов – позволяют ему выполнять широкую образовательную миссию. Когда-то в советское время эту функцию называли санитарным просвещением, понимая ее в очень узком смысле. Конечно сводить роль музея к функции дома санитарного просвещения было бы большим упрощением и профанацией. Но в широком смысле, имея в виду пропаганду выдающихся достижений медицины на путях познания природы болезней и методов их контроля, миссия музея, которую можно было бы назвать образовательной, поднимающей общую медицинскую культуру населения, достаточно велика.

Хотелось бы отметить еще ряд важных дел, которые музей выполнил за годы своего существования, и с которыми подошел к своему юбилею.

Прежде всего необходимо отметить его научно организаторскую функцию в области изучения истории медицины.

Музей стал общепризнанным центром изучения музейного дела. Не даром на его базе проходили многие совещания по обмену опытом и по освоению современных методов работы музеев этого профиля. Причем, если в советское время они ограничивались встречами музейных работников республик бывшего СССР и стран Восточной Европы, то сейчас на его базе проводятся мероприятия с участием специалистов из различных регионов мира.

Огромную роль в консолидации историков медицины различных стран сыграла реализация еще при жизни Паула Страдыня его идеи об организации специального издания публикующего результаты исследования в области истории медицины. Первый сборник под названием «Из истории медицины» вышел еще при жизни профессора. В нем и была опубликована статья, в которой было сформулировано его видение программы развития этой науки и в частности в Прибалтике. Издание оказалось долговечным. С 20 тома оно получило название «Acta Medico-Historica Rigensia». За эти годы всего было издано 26 томов. Трудно переоценить значение этого издания по существу, открывшего совершенно новые возможности для исследователей истории медицины для регулярной публикации результатов работы. Уже много лет у сборника международная редколлегия, его хороший уровень и роль в развитии истории медицины высоко оценены всеми, кто причастен к этой области знаний.

Признанием прочного положения музея как научно-исследовательского учреждения является и проведение на его базе XIII конгресса Европейской ассоциации музеев истории медицины в августе 2006 года, посвященного проблеме «Медицинские музеи и инвалидность».

Важной вехой в научно-организационной деятельности музея является учрежденная им в 1982 году Награда Паула Страдыня, которая в результате соответствующего соглашения с Президиумом Латвийской Академии наук ежегодно присуждается за лучшую исследовательскую работу по медицине или за лучшие достижения по истории медицины. Награда стала одной из престижных академических премий, которой за 25 лет удостоились многие видные ученые Латвии и ряда зарубежных стран. С одной стороны, это еще один шаг к увековечению памяти замечательного ученого, с другой – это еще один путь к расширению и стимулированию историко-медицинских исследований, наконец, это еще один штрих к повышению международного авторитета и значения музея.

2. Основатель

Это короткое повествование о музее обязательно подводит к вопросу, возникающему у каждого, кто его посещал. А как смог один человек собрать такое богатство, что побудило его к этому? Что это была за личность, которая оставила после себя, не затрагивая уже его научного наследия, клиники и школы

хирургов и онкологов, этот музей – великолепное творение человеческой мысли, интеллекта и, конечно, энергии и организаторского таланта.

А личностью Паул Страдынь был особенной. Лучше сказать, харизматической, пользующейся непреклонным, непререкаемым авторитетом, основанным на исключительных качествах и прежде всего на блестящих способностях, на человеческой мудрости и светлости. И если мы хотим коснуться личности этого человека, то должны подчеркнуть, что многие ее черты – эрудиция, широта мышления, масштабность поставленных задач – являются неординарными. Но вместе с тем они не являются случайными, сошедшими ниоткуда, чертами этого человека. Названные и многие другие, поражавшие знавших его людей черты его личности сформировались в процессе долгих лет воспитания и образования. Другое дело, что это воспитание и образование накладывалось на благодатную почву его удивительных способностей, памяти, любознательности, неутолимego интереса к знаниям и поражавших всех трудолюбия и работоспособности.

Следует подчеркнуть, что Паул Страдынь не был аристократического происхождения, не имел тепличных условий в детстве, никогда не имел достаточных средств для беззаботной жизни. Он был крестьянского происхождения, родом из семьи тружеников (отец его был то ли плотником, то ли столяром), в поте лица зарабатывавших себе на хлеб. И первое, что можно сказать о Пауле Страдыне – всего, чего он добился – он добился сам, собственным трудом или, как говорят, собственным горбом.

Второе – это то, что его способности, интерес к знаниям, к окружающему миру проявились очень рано. Уже в Рижской Александровской гимназии, куда мальчика отдали для получения среднего образования, он выделялся среди учеников своими успехами. В старших классах, как это было принято в то время, он прирабатывал репетиторством с отстающими учениками младших классов. И закончил он гимназию с золотой медалью.

Таким же, выделявшимся среди своих сокурсников, он оставался и в годы учебы в Петербургской Военно-медицинской академии. По воспоминаниям сокурсников он уже тогда поражал всех своей работоспособностью, широтой интересов, удивительной серьезностью, с которой относился к учебе. На первых двух курсах он много работал в лабораториях, на кафедрах физиологии и фармакологии, возглавляемых корифеями науки того времени И.П.Павловым и Н.П.Кравковым. А начиная с третьего курса, дневал и ночевал, в подлинном смысле этих слов, в хирургической клинике, руководимой своим будущим учителем – выдающимся русским хирургом С.П.Федоровым. Чтобы не покидать клиники и быть на месте в любое время, студент П.Страдынь переселился и жил на территории клиники.

К этому времени у него сформировалось много черт, определивших его будущую судьбу и направления научного творчества. Страдынь был влюблен в хирургию и считал ее наиболее эффективной и реально помогающей

большим отраслью медицины, и тогда, и в последующем с известной иронией относился к консервативным дисциплинам терапевтического профиля. Ему принадлежат слова: «Что там помогут капельки и философия». В то же время все, кто его знал, отмечают его удивительный интерес и серьезное отношение к изучению всех клинических дисциплин. Отлично успевая на всех кафедрах, он умудрялся, помимо хирургического общества, посещать интересующие его заседания самых разных других научно-медицинских обществ – терапевтического, физиотерапевтического, урологического и др. И ко времени окончания академии его знали не как узкого специалиста-хирурга, а как широко мыслящего клинициста. Эта слава закрепилась за ним и во все последующие годы его богатой врачебной деятельности.

В академии проявилась еще одна черта его личности, сыгравшая судьбоносную роль в жизни. Речь идет об удивительном интересе к медицинским антикварным вещам, редким старым предметам и особенно книгам. В библиотеках его знали как читателя, который первым приходил и последним покидал читальные залы. Он был постоянным посетителем антиквариатов, букинистических магазинов и коллекторов. И, имея гроши в кармане, не мог себе отказать в соблазне приобрести редкую, интересующую его книгу. Впоследствии многие из этих книг оказались в его коллекции, а затем – и в музее. Интерес к прошлому проявился у юноши Страдыня еще в гимназические годы, когда он даже колебался в выборе профессии между медициной и филологией и даже археологией. А уж в студенческие годы все, кто знал Паула Страдыня, описывают его огромный интерес к книгам и чтению. Карманы его шинели были набиты книгами, да еще в руках была пачка перевязанных веревкой книг. Мне хотелось напомнить об этих чертах его личности, поскольку они свидетельствуют, что его интерес к прошлому, к собиранию книг следует искать не в 28–30 гг., как это принято (в эти годы действительно берет начало его коллекция анатомических и хирургических препаратов), а по сути десятилетиями раньше, в студенческие годы ученого.

Паул Страдынь был блестящим студентом и своими способностями и трудолюбием обратил на себя внимание руководителя хирургической клиники профессора С.П.Федорова, который пригласил его в аспирантуру для подготовки к профессорской деятельности. Еще в годы учебы в 1916 г. П. Страдынь после третьего курса «попнюхал пороха». В качестве практиканта он работал в хирургических лазаретах Южного и Западного фронтов русской армии. В 1917 г. в качестве заведующего хирургическим отделением он успел побывать даже во Владивостоке, посетил он в то время также Иран. Видел он многое и уже тогда обратил внимание на тяжелые травмы и повреждения периферических нервов. Вопросы хирургического лечения травм периферических нервов стали темой его докторской диссертации, которую он блестяще защитил в 1923 году.

Министр здравоохранения СССР академик Борис Петровский после посещения Музея в 1972 году пишет свои впечатления в книге почетных гостей

Президиум Страдынских чтений 3-го июня 1987 года. Слева: заместитель директора музея Карлис Аронс, председатель ученого медицинского совета Министерства здравоохранения Латвийской ССР, академик Латвийской АН Анатолий Блюгер, директор музея Мария Лебедькова, др. Нина Страдыня, академик Российской АМН Юрий Лисицын

Естественным продолжением его карьеры должна была стать преподавательская и лечебно-научная деятельность в клинике своего учителя профессора С.П.Федорова. Но Паул Страдынь принял нелегкое для себя другое решение – отказаться от предложения шефа и вернуться на родину в Латвию. Здесь его ждали многие трудности и прежде всего необходимость повторной защиты докторской диссертации. Паул Страдынь обратился к теме, которую разрабатывал еще в клинике Федорова, связанной с хирургическим лечением спонтанной гангрены, или облитерирующего энтерита. Через 3 года в 1927 г. он успешно защитил вторую докторскую диссертацию. Но с этой темой связан эпизод, который произошел пятью годами раньше – в 1922 г., и сразу обратил внимание хирургической общественности на молодого ученого. На XV Российском съезде хирургов Паул Страдынь выступил с большим докладом, оспаривающим гуморальную теорию патогенеза спонтанной гангрены, выдвинутую крупным учено-хирургом В.А.Оппелем, и на основании собственных данных выдвинул свою нейрорефлекторную теорию. Причем в ходе состоявшейся дискуссии он одержал убедительную победу. И как написал в своих воспоминаниях его одноклассник С.А.Рейнберг, после этого триумфа на XV съезде хирургов стало ясно, что на хирургическом небосклоне взошла новая звезда. Этот успех был действительно звездным часом в научной карьере начинающего ученого Паула Страдыня.

И поэтому, когда П.И.Страдынь, покидая Санкт-Петербург, возвратился в Латвию, то с ним была блестящая характеристика его учителя, в которой профессор С.П.Федоров писал: «Павел Янович Страдынь работал в заведомой мною госпитальной хирургической клинике Академии в качестве ординатора. За это время он выказал себя превосходным и в высокой степени способным и трудоспособным работником, не только как ординатор клиники, но и как научный деятель. Я считаю его одним из лучших и талантливых учеников последних лет, а его работы, касающиеся спонтанной гангрены и операций на нервных стволах, безусловно выдающимися».

Нет нужды повторяться (это хорошо освещено в литературе) и обращаться к страницам биографии ученого, рассказывающим о его неутомимой и плодотворной деятельности в области совершенствования хирургической клиники, воспитания хирургической школы, научно-исследовательских работ в области хирургии и онкологии самого широкого спектра; наконец, детализировать его огромную и разностороннюю организаторскую и общественную деятельности на поприще здравоохранения.

Упомяну лишь, что будучи деканом медицинского факультета Латвийского университета, П.Страдынь многое сделал для совершенствования высшего медицинского образования. Он возглавил факультет сразу после войны и разрухи в Латвии, в период острого дефицита научно-педагогических кадров. И именно тогда он пригласил в Латвию многих

латвийских ученых – профессоров, работавших в диаспоре в различных вузах тогдашнего Советского Союза. По его приглашению в Ригу приехали ставшие ведущими профессорами будущего Рижского медицинского института: проф. А.Ф.Лепукалн (хирург), проф. П.Я.Герке (биолог), проф. А.А.Шмидт (биохимик), проф. Я.М.Буне (хирург), проф. В.А.Кальберг (анатом) и, наконец, проф. Э.М.Буртниеку, которому было суждено стать первым ректором организованного на базе медицинского факультета Латвийского государственного университета – Рижского медицинского института.

Наряду с вопросом о том, как один человек мог собрать такого масштаба коллекцию, всегда возникает и другой. А что побудило его с молодых лет к коллекционированию, что явилось движущей силой этого увлечения, которое стало постоянным и на которое была затрачена значительная часть жизни?

Поставленный вопрос можно с тем же успехом задать и, вероятно, не найти вразумительного ответа в отношении многих подобных случаев. Ответ на этот вопрос дать также трудно, как понять причину, найти объяснение любому другому увлечению. В истории науки, искусства и литературы, одним словом, в истории творчества, как правило, серьезное занятие коллекционированием обычно бывает не просто увлечением, интересом, но превращается в страсть, на которую иногда уходит и часть жизни человека. Что, например, побудило Кришьяниса Барона потратить жизнь на собирание народных дайн. В результате чего им был раскопан целый пласт латышской культуры. Или что побудило русского купца Павла Михайловича Третьякова годы собирать, а затем подарить Москве уникальную коллекцию картин?

В отношении Паула Страдыня в его биографии, в чертах его характера можно попытаться найти те факторы, которые побудили его заняться историей медицины и собирательством относящихся к ней предметов, и те обстоятельства, которые способствовали этому.

На первое место я бы поставил его замечательные способности, аналитический ум, удивительный интерес ко всем сторонам духовной жизни человека. П.Страдынь имел особый вкус ко всему творческому, идеальному, возвышенному. Начав с романтических увлечений археологией в гимназические годы, став страстным библиофилом в студенческие годы, пройдя этап поисков и находок букинистических и антикварных книг, он пришел к коллекционированию всего, что имеет отношение к медицине.

Но это увлечение коллекционированием имело и другую подпитку. Паул Страдынь рано осознал одну немаловажную вещь: как велико значение для ученого и врача знания прошлого, истории своего предмета. Только знание прошлого позволяет понять значение создаваемого настоящего, по-другому видеть перспективы будущего. При своем ярком интеллекте Паул Страдынь увидел, как увлекательно и полезно проследить своей мыслью за тем, как родилась та или иная вещь или идея, проследить за историей их развития, и

насколько это полезно, позволяя ученому понять и найти правильную мерку для оценки создаваемого настоящего, для критической оценки собственного творчества и его результатов. Оказалось, что обращение к истории медицины и коллекционирование ее предметов не только увлекательно, не только доставляет истинную радость ученому, но и полезно, поскольку расширяет диапазон и масштабность его взглядов и выдвигаемых перед собой задач. Оказалось, что изучение истории своей науки, с одной стороны, и деятельность в сфере самой медицинской науки – с другой – взаимно обогащают друг друга. Так, интерес к прошлому и увлеченность коллекционированием оказались весьма целесообразными на пути основной творческой деятельности ученого.

Имея огромный багаж знаний, он не мог их реализовать на одной кафедре и понял, что только собрав воедино в коллекции по истории становления и развития самых различных областей медицины в разные эпохи, можно дать студенту концентрированные знания. Это тоже был один из стимулов к собиранию коллекции и созданию музея.

Наконец, были обстоятельства в жизни Паула Страдыня, которые способствовали реализации его интереса к собиранию предметов истории медицины разных эпох и различных народов, – это его страсть к передвижению, увлечение путешествиями. Это увлечение было настолько характерной чертой его личности, что его прозвали «летучим голландцем».

Как мы уже упоминали, еще в студенческие годы он побывал во Владивостоке и Иране. Возвратившись в Латвию, он уехал в длительную командировку в США и Англию, где работал в лучших клиниках и, в частности, в клиниках Майо и Чойса. Он посетил многие страны, а в них госпитали и клиники, в том числе во Франции, Италии, Швеции, Испании, Норвегии, не говоря уже о большинстве городов бывшего Советского Союза. Во время этих поездок после того, что он, как губка, впитывал в себя опыт и новации зарубежных клиник и больниц, он, как вспоминал вышедший с ним из одного гнезда профессор Н.Н.Еланский, Паул Страдынь, как пчела, собирал мед познаний и достижений современной науки. После каждого путешествия он возвращался счастливым тем, что приобрел и привез еще одну находку, еще один экспонат или книгу для своей коллекции.

Чтобы приблизиться к пониманию личности Паула Страдыня, интересно хотя бы кратко остановиться на описании черт его характера.

Паул Страдынь, несомненно, был харизматической личностью. Но чертами своего характера значительно отличался от общепризнанных представлений о лицах, достигших высот в интеллектуальной деятельности, веса и авторитета в общественном положении и признании. Он был начисто лишен таких частых в этих случаях качеств, как амбициозность и претенциозность, вычурность и поза. Его скромность, его желание оставаться в тени, его неприятие внешних эффектов в поведении отмечают все, знавшие

его в период расцвета творчества и популярности. Он никогда не стремился казаться, являться, он всегда был естественным, был тем, кем он есть в действительности. Во многих воспоминаниях о нем обращается внимание на то, что он чрезвычайно строго относился к самому себе и к другим людям, с которыми соприкасался в своей многогранной деятельности.

Как и все великие люди и, в частности, крупные ученые, он никогда не стремился скрыть пробелы в своих знаниях, хорошо знал их предел и не стеснялся задать вопрос ученикам и коллегам о том, чего не знал. Это было для него обыденным и естественным.

Два важных качества характеризовали его отношение к работе: увлеченность и невероятная работоспособность. Мне кажется очевидным, что интеллектуальная деятельность только тогда достигает высот, когда она подпитывается эмоционально, когда занимаются ею страстно, т. е. с выраженным чувством, с увлеченностью, когда она приносит радость от познания и творимого. Все эти черты в процессе творческой деятельности были сполна свойственны личности Паула Страдыня.

Всех, кто знал и стоял рядом с ученым, поражали его энергия, трудолюбие и целеустремленность. Ему принадлежат слова: если хочешь чего-то добиться, то надо одновременно стучаться в десятки дверей. Тогда некоторые из них, может быть, откроются. И эту свою сентенцию он реализовал на практике, когда с явными усилиями, преодолевая одну бюрократическую препону за другой, он добивался углов и подвалов для размещения своей коллекции сперва в больнице, затем, когда он добивался признания музея и наконец, когда он добился невероятного – предоставления музею того помещения, которое он занимает сейчас, и которое и позволило ему в значительной степени стать тем, что он есть.

Жизнь и деятельность Паула Страдыня многие называют подвижничеством. И это справедливо. Хотя в его биографии есть эпизоды, которые позволяют говорить и о самопожертвовании и даже героизме. А как иначе назвать тот поступок, когда в декабре 1922 г. 26-летний ученый убедил своего старшего коллегу, позднее известного профессора В.М.Шамова, произвести на себе операцию денервации (денудации) плечевой артерии, чтобы доказать ее безопасность и изучить ее последствия. Эти данные в числе других и были использованы в выигранной им дискуссии с профессором В.А.Оппелем о патогенезе спонтанной гангрены. Подвижнической была и вся хлопотливая деятельность Паула Страдыня по коллекционированию предметов и книг по истории медицины – экспонатов будущего музея, которые он затем передал в дар государству, а по сути в дар своему народу. Некоторые сравнивают это деяние с поступком англичанина Джона Хантера, который в 1799 г. передал свой музей в Лондоне государству. Высказывалась даже такая мысль, что знакомство с музеем Хантера побудило Паула Страдыня к коллекционированию предметов истории медицины. Но ни первое, ни второе предположение,

по-видимому, не выдерживает критики. С музеем Хантера Страдынь познакомился во время своей командировки в Англию в 1924 году, а интерес и первые шаги по собирательству проявились у него еще в годы учебы в Академии, т.е. на 5 лет раньше. Но самая существенная разница в этих двух примерах в другом. В том, что Хантер свой музей продал государству, а Паул Страдынь – отдал в дар безвозмездно. Все, кто занимался исследованием его творчества, отмечают, что свои заработки и скромные возможности он в основном тратил на приобретение экспонатов, расширение своей коллекции. И в этой связи нельзя не отметить, что Паул Страдынь и как врач был бессеребренник. Достаточно вспомнить оккупацию Латвии в 1941–44 гг., когда он был отстранен от руководства больницей и принимал больных дома. Приемы больных он продолжал и в последующие годы в ранние утренние часы у себя дома.

Простота в обращении с людьми, доступность, отсутствие даже следов снобизма или высокомерия делали общение с ним для каждого человека легким, необременительным, оставляли самое положительное впечатление. Чрезвычайно внимательный и чуткий к проблемам других людей, он был наделен исключительно редким и ценным для собеседника качеством – умением слушать и слышать другого. К нему постоянно обращались со своими проблемами, и он был готов в любую минуту протянуть руку помощи не только своим друзьям и знакомым, но каждому, кто в этом нуждался.

Паул Янович был блестящим педагогом не только потому, что он многое знал и умел и мастерски это преподносил слушателям, но и потому, что у него была внутренняя потребность поделиться своими знаниями. Его сокурсник по гимназии и академии видный латвийский хирург Я.Егерманис вспоминал: «У Паула Яновича было чувство необходимости как можно больше познать, впитать в себя, переработать, а затем передать другим».

Непременной принадлежностью Паула Яновича была его записная книжка, в которой он фиксировал все мало-мальски заинтересовавшее его, увиденные и услышанные события, факты или новости, относящиеся к медицине или ее истории. Упомянув об этой записной книжке – постоянной спутнице ученого, его соученик по гимназии профессор С.А.Рейнберг вспоминал, как часто Страдынь на съездах, консилиумах, даже в беседах с друзьями обращался к этой книжке, внимательно слушал, обдумывал и лишь затем реагировал. Будучи уверенным в том, что обработка записей в этих книжках могла бы многое дать для раскрытия творческого метода профессора, С.А.Рейнберг полагает, что изучение его архивного наследия является общественным долгом. И очевидно, что здесь еще есть большое поле для деятельности его последователей, будущих исследователей его творчества.

Мне кажется, что помимо производивших большое впечатление на коллег – врачей и студентов эрудиции, знаний, опыта ученого-педагога и врача-клинициста, Паул Янович оставлял не меньшее впечатление на всех

общавшихся с ним своим удивительно привлекательным обликом. Небольшого роста, слегка сутулый, с доброй улыбкой на лице, с внимательным сосредоточенным взглядом добрых живых глаз, остававшихся молодыми даже в пожилые годы, он производил удивительно привлекательное и благоприятное впечатление на собеседника и на слушателей во время выступлений и чтения лекций.

Знаменательно, что в своих воспоминаниях его коллеги, большинство из которых стали видными учеными, занимающими высокое место на общественной лестнице – все они пишут о нем с некоторым пиететом и с неизменной теплотой, симпатией.

Профессор Кристап Рудзитис учился в академии тремя курсами младше П.Страдыня, считал самыми яркими его чертами «необычайную подвижность, даже стремительность, богатую фантазию, настойчивость, граничащую с упрямством, веру в свое дело, простоту, добropорядочность». Аллегорически профессор Рудзитис говорит о П.Страдыне: «Он был больше, чем король – он был благородный человек».

Старше его по возрасту и положению на кафедре академии, оперировавший его в экспериментальных целях, впоследствии известный хирург профессор В.Н.Шамов рассказывает о молодом Пауле Страдыне 20-х годов как о вполне сложившемся хирурге, прекрасном враче-клинистике, а, главное, как о неутомимом исследователе, наделенном искрой божьей.

А известный болгарский историк медицины В.Бакарджиев характеризовал профессора П.Страдыня как великого гуманиста, смыслом жизни которого было служение самым высоким гуманистическим принципам, согласно которым человек должен жить по-человечески, быть счастливым, здоровым, долголетним и работоспособным.

Мы уже говорили выше о подвижничестве Паула Страдыня. Надо сказать, вопреки его бережному отношению к людям, к сотрудникам, больным, здоровью, себя профессор не щадил. Работал от зари до зари. Не досыпал, довольно небрежно относился к еде и отдыху. Одним словом, к своему здоровью относился расточительно. И это по мнению тех, кто его не только близко знал, но и лечил, было главной причиной того, что он подорвал свое здоровье. И уже в 60 с лишним лет был первый сигнал, предупреждавший об опасности рокового исхода. Но и тогда профессор рассчитал, что ему осталось жить считанные годы и не подумал уменьшить объем и интенсивность своей работы. Вопреки рекомендациям врачей, он не выпускал из поля зрения ни одного вопроса, в том числе и касающихся Музея истории медицины. Уже в последний месяц жизни он настоял на поездке в Новгород и в пушкинские места. Это было последнее путешествие, после которого через несколько дней Паула Страдыня не стало.

Профессор прожил яркую, плодотворную, насыщенную жизнь. И память о нем будет жить долго-долго не только потому, что он многое сделал в науке,

или потому, что он был блестящим хирургом и искусным врачом, и даже не потому, что он построил себе рукотворный памятник – Музей истории медицины, а в первую очередь потому, что он был великим гуманистом, и его светлый образ навсегда останется моральным эталоном для людей, а людей его профессии в особенности.

3. Последователи

Когда сегодня посещаешь музей и знакомишься с его многогранной деятельностью, то невольно возникает мысль, что его создатель Паул Страдынь был бы доволен тем, как его потомки и последователи не только сберегли, но и развили, и обогатили начатое им дело.

И здесь уместно хотя бы кратко рассказать о тех, кто в течение полувека вкладывал свой труд, энергию, творчество в развитие идей и начинание профессора. С 1957 года у музея было шесть директоров. Сменявшиеся на этом посту люди отличались по возрасту и образованию, таланту и своему вкладу в развитие музея. Но в целом, объективно обо всех них можно сказать, что они с огромной любовью, относились к порученному делу, к возглавляемому учреждению и, главное, все они бережно сохраняли страдыньские традиции и заветы.

Первым директором музея был близкий П.Страдыню человек, биолог по образованию Ольгерт Круминьш. Страдынь привлек его к работе, когда музей еще находился в зачаточном состоянии в деревянном бараке Республиканской клинической больницы. Он был назначен директором в октябре 1957 года, являющегося годом провозглашения официального статуса музея. Он был художником по макетированию и внес весомую лепту в организацию работы музея так же после перемещения его в новое здание, когда тот делал в нем первые шаги. Тогда на заре становления музея получение нового помещения было огромным достижением. Под руководством О.Крумина в музее работали 10 сотрудников – настоящих энтузиастов музейного дела. О.Круминь многое сделал для оформления музея и его экспозиции, а также осуществил переезд в новое здание. Он должен быть справедливо отнесен к числу верных сподвижников Паула Страдыня, облегчивших ему организаторскую работу на ранних этапах деятельности музея.

Короткое время в 1960–1961 г. музей возглавил врач Владимир Шмит, которого сменила Герта Августовна Хансен. Она была по специальности фармаколог и организатор здравоохранения, руководила музеем в трудный, интересный и сложный период его обустройства в новом предоставленном здании. Она скончалась в 1972 г., будучи директором музея.

Ее сменила Мария Семеновна Лебедькова, которая возглавляла музей много лет, до 1989 г. При ней музей уже работал в полную силу. В музее сформировался большой коллектив, штат которого вырос до 60 сотрудников.

При ней в музее сформировались и вошли в традицию такие памятные мероприятия, как страдыньские чтения (существовавшие уже с 1960 г.) и вручения Награды Страдыня (с 1982 г.), при ее руководстве музеем начал устанавливаться и развивать широкие связи с научно-исследовательскими учреждениями республик бывшего СССР и зарубежных стран.

Заместителем директора музея в то время был человек, которого можно было бы назвать не только верным и преданным последователем дела Паула Страдыня, но и подлинной душой Музея истории медицины. Доктор медицины, *doctor honoris causa* Латвийской академии наук, талантливый ученый, историк медицины и педагог, организатор здравоохранения Карл Эрик Аронс. Он перенял у М.С.Лебедьковой бразды правления музеем в 1989 году. Именно он довел содержание и масштабы его деятельности до того уровня, с которым он пришел к своему 50-летию.

Карл Янович Арон – выпускник Рижского медицинского института 1957 г. Два года проработал директором Вентспилсского медицинского училища, а затем около 30 лет (1960–1989) – заместителем директора музея, а с 1989 г. – до ухода из жизни в 2005 г. – его директором. Все значительные события в музее так или иначе были связаны с его именем, были его задумками или начинаниями. Выставки, экспозиции, посвященные юбилеям выдающихся медиков, творческая работа, издательская деятельность, организаторские дела лежали на его плечах. Именно он был организатором филиалов музея – анатомического, посвященного проф. Екабу Приманису, фармацевтического, мемориальных филиалов проф. Паула Страдыня в Виесте и проф. Александра Биезиня в Мадонском районе.

Самое активное участие он принимал в организации и проведении страдыньских чтений, учреждении и ежегодном вручении Награды Страдыня, наконец, формировании, научном редактировании и издании сборников «Из истории медицины» (ныне «Acta Medico-Historica Rigensia»).

Карл Арон был замечательной личностью, пользовался глубоким уважением тех, кто его знал, кто с ним работал. Мне привелось тесно сотрудничать с этим человеком в течение многих лет в самых различных направлениях. Во-первых, как с доцентом кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения и истории медицины, которую в значительной степени он и вел, поскольку заведывали ею должностные лица крупного масштаба и *de facto* организация научного и педагогического процесса на кафедре лежала на его плечах.

С его исключительной эрудицией, образованностью и работоспособностью я столкнулся дважды при совместной творческой работе. Первый раз в 1967 г., когда он редактировал нашу монографию (совместно с проф. П.Е.Заблудовским, В.В.Канепом, Ф.Ф. Григорашем), посвященную русско-латышским научно-медицинским связям, и второй раз, спустя почти 20 лет в 1984–1985 гг., когда мы вместе работали над одной из самых удачных

справочных книг — «Популярной медицинской энциклопедией», где я был ответственным редактором, а он — моим заместителем. А поскольку издание было на латышском языке, то, естественно, львиную долю работы выполнял Карл Янович. Значительная часть статей, особенно по истории медицины и по народной медицине была написана им самим. Подбор большинства авторов и кропотливую работу по договоренности с ними и рецензированию и доработке статей выполнял он. По его инициативе и при участии А. Вискны в энциклопедию был введен уникальный раздел — описание кратких биографий, снабженных фотопортретами всех известных латвийских ученых с XIII века до 1985 года — года выхода в свет III издания энциклопедии.

Мы постоянно общались с Карлом Яновичем, обсуждали издательские и творческие планы музея и решали текущие вопросы, возникавшие в ходе повседневной его административной деятельности.

Что-то в своем внешнем поведении Карл Янович заимствовал у Паула Страдыня и прежде всего удивительную скромность и непритязательность при большой работоспособности и при самом активном участии в творческой деятельности. Он задумывал и готовил то или иное мероприятие, со стороны руководил его проведением, но почему-то прилюдно проводили его другие, а он оставался в тени, за сценой. И держался он, сдержанно, ненавязчиво, как будто не желал играть первую скрипку в событии. Но он преображался, когда ему приходилось играть непосредственную роль на публике. Одаренный педагог, великолепный лектор он был по природе своей при всей внешней скромности настоящим вожаком, в любой аудитории молодых студентов, пожилых профессоров он был незаменимым ведущим, организатором, можно сказать, душой каждой встречи. Все праздничные дни, связанные с торжествами по случаю юбилейных дат института, студенческих обществ, медицинского образования, все выступления в больших аудиториях можно было смело поручать ему — успех был обеспечен.

Карл Арон был большим знатоком народной медицины в Латвии. Этой теме была посвящена его диссертационная работа и несколько публикаций. И это направление, к которому имел большой интерес Паул Янович Страдынь, Карл Янович развил в полной мере. И то, что тематика народной медицины так полно представлена в коллекциях и экспозициях музея, в значительной степени его заслуга.

Человеком он был разносторонних способностей. Известно, что в студенческие годы и в годы ранней врачебной, а затем и преподавательской деятельности он увлекался музыкой и театром. Был знатоком в этих областях. Пробовал себя на драматургическом поприще: в молодости написал и поставил пьесу «Свадьба» в Вентспилсском самодеятельном театре. Много лет Карл Янович пел в хоре Рижского мединститута. С удивительными его лекторскими способностями и мастерством я еще раз столкнулся не так

давно, в 2002 году, когда ему предстояло сделать доклад по истории Латвийского гепатологического центра на международной конференции гепатологов в Риге. За три дня до доклада он попросил меня зайти к нему в музей проконсультировать его по некоторым вопросам по этому докладу. И я при встрече с ужасом увидел, что он только приступает к подготовке доклада. Мы проработали несколько часов. Он делал какие-то наброски в ходе нашего разговора. И, когда через 3 дня он вышел на пленарном заседании с этим докладом, я был поражен. Доклад был прекрасно построен, подробно, последовательно, с прекрасными иллюстрациями он осветил тему – одним словом это был отличный доклад и по форме, и по содержанию.

К сожалению, жизнь Карла Яновича оборвалась очень рано... Карл Янович оставил заметный след и в работе музея, внес весомый вклад в подготовку врачей в Рижском медицинском институте, и в развитие науки и, в частности, истории медицины в Латвии. В памяти тех, кто его знал, он остался как удивительно привлекательный, скромный и по-настоящему интеллигентный человек.

Карла Арона на посту директора сменила Эдите Берзиня. Будучи по специальности врачом-стоматологом, она по сути посвятила себя Музею истории медицины, где работает с 1983 года. В музее она долгое время руководила ответственным подразделением организационно-методической работы, была главным хранителем фондов, а с 2003 года стала заместителем директора. Иными словами, во главе музея оказался специалист, имеющий все возможности сохранить свойственную прежним руководителям преемственность и преданность делу, сберечь традиции музея.

Рассказывая о тех, кто возглавлял музей на протяжении полувека и внес значительный вклад в его развитие, приятно и справедливо вспомнить имя министра здравоохранения Латвии академика Академии медицинских наук СССР, доктора медицинских наук профессора Вильгельма Вильгельмовича Канепа. Свою профессиональную деятельность он посвятил организации здравоохранения, пройдя путь от заведующего Кулдигским районным отделом здравоохранения до министра. Многие он сделал для совершенствования и развития системы здравоохранения в республике. Именно ему мы обязаны огромными масштабами строительства учреждений здравоохранения, широким введением системы диспансеризации населения, совершенствованием научной организации труда медиков, созданием учебно-научно-производственных объединений – специализированных центров, для интеграции учебного, научного и лечебного процесса. Этим проблемами В.Канеп посвятил и свою научную деятельность и ряд монографий. Успешно работал он и руководителем кафедры социальной гигиены, организации здравоохранения и истории медицины в Рижском медицинском институте, передавал знания и опыт студентам и молодым врачам.

Одним из наиболее близких и любимых направлений научной работы

Канепа была история медицины. Его кандидатская диссертация и соответственно монография были посвящены вопросам истории развития медицинского дела в Прибалтике в XIX веке. Русско-латвийские научно-медицинские связи стали предметом другой его монографии по истории медицины. Но, пожалуй, наибольшим вниманием в его историко-медицинской деятельности пользовался Музей истории медицины им. П.Страдыня. Его интерес к музею, помимо всего, питался чувством глубокого уважения к проф. Паулу Страдыню, у которого он учился в Рижском мединституте, которого высокого ценил и очень часто в своих лекциях и докладах обращался к его личности в качестве замечательного примера служения медицине.

С 1967 г. В.Канеп входил в редакционную коллегию сборников по истории медицины, принимал активное участие в жизни и работе музея. Его историко-медицинская деятельность была отмечена, когда в 1982 г. он стал первым лауреатом Награды Паула Страдыня (вручена в 1983 г.). Внесенная им лепта в становление и развитие музея истории очевидна.

Если говорить о тех, кто внес значительный вклад в работу музея и с чьим именем бесспорно связаны его успехи и достижения, с которыми он встречает свое 50-летие, то на первое место надо поставить академика Яниса Павловича Страдыня. За годы после смерти отца он прошел долгую дорогу, состоялся как крупный ученый в своей основной специальности – молекулярной электрохимии, став величиной мирового уровня, сделал весьма успешную научную карьеру – пройдя путь от научного сотрудника Института органического синтеза до президента Латвийской академии наук. Однако все это время он ни на минуту не прерывал связи с музеем. Мало того, можно без преувеличения сказать, что он был одним из тех, кто стоял у истоков многих начинаний и решений, которые привели музей к его нынешнему статусу, принимая непосредственное участие не только во всех крупных мероприятиях, но часто и в решении будничных каждодневных забот музея. Одним словом, Янис Страдынь достойно продолжает дело своего отца.

Если мое видение образа профессора Паула Страдыня сформировалось прежде всего на основании впечатлений от услышанного и прочитанного о нем, то Яниса Павловича я знаю, хотя и редко, но общаюсь с ним в течение уже 50 лет – с того дня как мы оба перешагнули порог Института органического синтеза: я – на время, а он связан с ним всю жизнь. Вначале, в 1957–1958 гг., у нас была творческая связь, когда мы выполняли совместную работу, я – ее клиническую, а он и его сотрудники основную – лабораторную: полярографическое определение фурагина и фурадонина в моче. В результате этих исследований экспериментально была обоснована целесообразность использования препаратов нитрофуранового ряда в качестве новых урологических химиотерапевтических средств.

Сотрудничали мы и в издательской деятельности над совместными статьями и в редколлегии книги «Павел Янович Страдынь – врач, ученый,

человек» (1967) и в редколлегиях ряда сборников: «С.А.Гиллер: жизнь и деятельность» (1982), в нескольких выпусках «Из истории медицины». Тесно соприкасался я с академиком Я.Страдынем на заседаниях Совета по науке в первые годы после обретения Латвией независимости. Наконец более 30 лет мы встречались на заседаниях нашего отделения Латвийской академии наук и на общих собраниях Академии, где, начиная с 1990 годов, он был частым докладчиком в качестве сначала вице-президента, а с 1998 года – президента нашей Академии. В 2003 г. академик Страдынь вручал мне награду, носящую имя его отца.

Я пишу обо всем этом с единственной целью, чтобы подчеркнуть, что продолжительность нашего знакомства позволила мне получить сложившееся представление о личности этого человека, которыми я и хочу поделиться в этих заметках.

Первая мысль, которая приходит при обращении к фигуре ученого – это то, что его пример развенчивает расхожие представления о том, что генетика, наследование интеллекта и способностей талантливых людей делает перерыв, «отдыхает» в первом поколении, и дети большинства одаренных родителей остаются заурядными людьми. В семье Страдыней произошло все до точности наоборот. Талант и способности отца достались сыну сполна.

Вторая мысль состоит в том, что отец, глядя на достижения сына, мог бы быть удовлетворен, мог бы гордиться масштабами и размахом его творческой деятельности, ибо родители, как и учителя, испытывают чувство гордости, когда их дети, как и ученики у учителей, превосходят их в своих достижениях. А размах и содержание научной деятельности Яниса Страдыня трудно сопоставимы с тем, что можно было достичь в то время, когда творил его знаменитый отец. Помимо коренным образом изменившихся условий, в которых во времена Яниса Страдыня осуществлялась научная деятельность, еще и потому, что он не имел тех ограничителей, которые были у отца – прежде всего в самой исследуемой области знаний. Возможность для научной деятельности в химии значительно шире, чем в медицине вообще, потому, что в ней много больше науки (как говорил Иммануил Кант, в каждой науке столько науки, сколько в ней математики, т.е. точности измерения), а в клинических дисциплинах в особенности. Еще и потому, что у химика нет еще одного ограничителя, как у клинициста – отсутствия времени на науку. У врача-хирурга почти все время уходило на больных, оставляя для науки его крохи. Так было и у профессора П.Страдыня.

Но как бы там ни было, академик Янис Страдынь достиг высот науки, стал общепризнанным специалистом в своей области – молекулярной электрохимии, специалистом высочайшего уровня. Он опубликовал десятки книг и сотни работ по специальности и, в частности, по полярографии, которые принесли ему мировую известность.

Как и отец, Янис Павлович не был профессиональным историком. Он проявлял интерес к истории с ранних лет. По крайней мере известно из его собственных рассказов, что отцу он помогал в музее еще в школьные и студенческие годы. Он же рассказывает о том огромном влиянии, какое на него оказывал отец. На его примере видна еще одна истина. Самообразование имеет для человека, для его творческой деятельности не меньшее, а иногда и большее значение, чем образование. Не окончив исторического факультета, Янис Страдынь стал выдающимся историком естествознания. И все возрастающие масштабы его деятельности в этой области по сути заняли сперва паритетное с химией, а с 90-х годов и приоритетное место в его творчестве. И сегодня мы можем говорить о нем как о выдающемся историке науки и прежде всего естествознания, а в интересующем нас аспекте – как о крупном специалисте в области истории медицины и фармации вообще, а в Прибалтике в особенности.

Его книги, монографии, популярные издания по истории медицины исчисляются десятками, а статьи и очерки научно-популярные и публицистические выступления по этим вопросам – сотнями. Они снискали ему высокий авторитет у специалистов историков и большую популярность у широкого круга читателей. Хочется еще раз подчеркнуть ту выдающуюся роль, которую сыграл Янис Павлович в продолжении дела своего отца. Как он сам писал: «после смерти отца на меня невольно легли обязанности и его биографа, и хранителя его архива, и издателя его научных трудов». Все эти обязанности он выполнял с завидной аккуратностью и результативностью. Я бы к этому добавил то, что он действительно делал с полной отдачей – это идейно и организационно зримо и незримо постоянно восполнял рано ушедшего отца в работе музея.

Что мне казалось обязательно необходимо отразить в этих заметках – это то, что академик Янис Страдынь перенял от отца не только его удивительные способности, его феноменальные трудолюбие и работоспособность, но и многие личностные качества, даже внешние черты – облик и поведение. Он очень напоминает отца и внешним видом, и сосредоточенностью при каждом общении, взглядом и умением слушать. Он очень похож на отца поведением: скромностью, сдержанностью, доброжелательностью и отзывчивостью. Как и отец, он никогда не расстается со своей записной книжкой – постоянной спутницей, где фиксирует все, что ему кажется достойным его внимания.

При том крупном вкладе, который он внес в электрохимию, в медицину (я имею в виду в проблему создания новых лекарственных препаратов), в историю естествознания вообще и в историю медицины и фармации, в частности, его исключительно широкую научно-организационную, общественную и публицистическую деятельность, естественно, что академик Янис Страдынь снискал себе тот заслуженный авторитет и уважение, которым он пользуется в обществе, в научном мире, среди людей.

В моих глазах он, как когда-то его отец, является моральным эталоном, носителем лучших человеческих качеств – честности, порядочности и интеллигентности.

Музей стал крупным учреждением со сложной структурой своих филиалов и подразделений, с большой сетью международных связей и большим числом сотрудников, каждый из которых делает свое дело на своем участке и вносит свою лепту в развитие и процветание этого уникального хранилища медицинских знаний и опыта признанного историко-медицинского центра. Было бы справедливо назвать каждого из этих тружеников. Но это невозможно было сделать в подобного рода заметках, и подбор сотрудников, о которых мне предстоит рассказать, в определенной степени носит субъективный характер. В результате получилось так, что упомянуть мне удалось ограниченный круг людей, в основном тех, с которыми в какой-то степени связан по работе, более или менее мне знакомых.

В этой связи прежде всего следует назвать ветерана музея и труда, который совсем недавно ушел от нас в почтенном возрасте – Аркадия Ниссоновича Хазанова. Он, в прошлом военный врач, пришел в музей в 1971 году после демобилизации из армии и принял живое участие в самых разных областях работы музея. Человек с уникальной памятью, отличным знанием жизни и истории, с большим багажом знаний, он внес значительный вклад в исследование многогранной деятельности великого русского хирурга Н.И.Пирогова, уделив особое внимание его связям и деятельности в Прибалтике. Аркадий Ниссонович был секретарем сборников «Из истории медицины», начиная с X тома. Был постоянным членом редколлегий и автором многих статей в этом издании. Он оставил о себе память как человек, преданный музейному делу и истории медицины, как неперенный и постоянный член творческой команды музея.

Одним из наиболее крупных ученых, проработавших в музее с 1969 г., является академик Арнис Вискна. Прежде всего – это один из тех немногих врачей, кто избрал своей специальностью историю медицины. В музее он прошел по всем ступеням служебной лестницы. Был научным сотрудником, руководителем отдела, главным специалистом. Арнис Вискна внес большой вклад в развитие истории медицины, в деятельность музея. Творчество его оказалось многогранным по тематике и очень плодотворным – им опубликовано более двух десятков книг, около 60 брошюр и более 3000 статей. На начальном этапе своей деятельности в музее он заведывал отделом истории фармации. Многие его работы были посвящены этой тематике, а организационная деятельность способствовала развитию этого направления в стенах музея. Особую популярность у фармацевтов снискала вышедшая из-под его пера книга по этой проблеме «Старые аптеки» (*Vecās aptiekas*, 1993).

О масштабе и проблематике его творчества хорошо говорит опубликованная в течение 7 лет трилогия «Латвийские медицинские

памятники» (Latvijas medicīnas pieminekļi, 1986), «По врачебным тропам» (Pa ārstu takām, 1990) и «Истоки медицины в латвийских регионах» (Medicīnas sākumi Latvijas novados, 1993). О подвигах и героических эпизодах из жизни медиков повествует труд ученого «Светя, стораю» (Dodot gaismu sadegu, 1983).

Мне представляется, что среди научных работ академика Вискны особую ценность представляют его многочисленные краткие и развернутые статьи, очерки, даже книги, посвященные биографиям латвийских ученых-медиков и врачей. Такова, например, монография, посвященная профессору А.П.Биезиню, а так же сотни статей, которые профессор А.Вискна регулярно готовил для энциклопедических изданий. Многое он сделал и для восстановления биографических данных врачей родом из Латвии, покинувших родину, работавших в диаспоре. Его книга «Латышские врачи в мире» (Latviešu ārsti pasaulē, 1993) принесла нам сведения о 1600 зарубежных коллегам. Наконец, он внес значительный вклад в изучение истории ряда крупных рижских больниц, приняв основное участие в выпуске юбилейных изданий, посвященных 90-летию Республиканской клинической больницы Страдыня и 200-летию 1-й Рижской городской клинической больницы. Большой популярностью пользуется уже годами выпускаемая А.Вискной справочная брошюра, посвященная юбилейным памятным датам медиков Латвии.

Его отклики на свершения и события в медицине настолько своевременны, систематичны и актуальны, что его можно назвать летописцем медицинской жизни нашей эпохи.

Своими работами он дополнил также ставшие уже классическими труды по истории медицины Изидора Бренсона, издав в 2004 году книгу о врачах и врачевании в Латгалии с 1772 по 1918 год. Мне представляется, что в этом смысле труды историка медицины Арниса Вискны займут достойное место в летописи врачей Латвии.

Отрадно то, что наряду с уже упомянутыми мною историками медицины, связанными с музеем, некоторых из них уже нет среди нас, а многие находятся в преклонном возрасте, в музее за последние годы выросла и достойная смена, и сегодня уже есть ведущие работники, находящиеся в расцвете сил. Одним из представителей этого поколения доктора медицинских наук, который долгое время работал заместителем директора музея, а сейчас руководит курсом истории медицины и Институтом истории медицины Рижского университета Страдыня – профессора Юриса Салака – я хотел бы назвать. Он успешно защитил докторскую диссертацию в Берлинском свободном университете. Его работа была посвящена жизни и деятельности уроженца Риги анатома и хирурга профессора Юстуса Кристиана фон Лодера, который в конце XVIII и первой трети XIX вв. был известным профессором в ряде университетов Германии и Москвы. Большой вклад профессор Ю.Салакс внес в работу по установлению и развитию международных связей музея.

Среди дипломированных докторов медицины, связавших свою деятельность с музеем и успешно работающих в нем, надо назвать Майю Поземковску и Илву Дулевску.

В моих заметках, которые в значительной мере построены на впечатлениях, вынесенных из моих связей с музеем, я считаю своим долгом назвать и Янину Данусевич, с которой связан по издательской линии более полувек со времени ее работы преподавателем кафедры анатомии Рижского мединститута. С 1988 г. она связала свою деятельность с музеем. 2 года работала в его анатомическом филиале, а с 1990 г. – в центральном здании музея. Начиная с I тома издания «Acta Medico-Historica Rigensia», она является его редактором. Но линии связи с ней простираются в более далекие времена, когда она была редактором «Популярной медицинской энциклопедии» в 1975 г., (2 изд. – 1984 г., 3 изд. – 1985 г.), а десятью годами позже переводила на латышский язык и редактировала мою книгу «Тайны и парадоксы печени». Человек исключительно добросовестный, педантичный в работе она мне оказывала постоянную помощь и в моих работах над рукописями, и в переводах и редактировании, а, главное, она выступала в роли лица, связывающего меня с музеем.

Полувековой юбилей заставляет каждого, кто так или иначе связан с музеем, задуматься о его судьбе, о том, что его ждет в будущем. Эти краткие заметки о музее, его творце и людях, сохранивших и обогативших его, наводят на оптимистические мысли о будущем этого крупного историко-медицинского центра.

Удивительно, но это – факт, что родившийся из увлечения и фантазии великого гуманиста и идеалиста Паула Страдыня музей стал необходимой реальностью в нашей жизни, неотъемлемой принадлежностью и достопримечательностью столицы Латвии.

Музей и его экспозиции и по своей зрелищности и занимательности, и по поучительности и полезности, по-настоящему востребованы и вот уже полвека надежно служат людям.

И, хотя музей является хранилищем идей и вещей прошлого, но он был так талантливо задуман и устроен, что по своей миссии и значению для людей устремлен в будущее и, кажется, что ничто не остановит его поступательного развития.

Литература

- Pozemkovska M. Latvijas Medicīnas vēsturnieku un Paula Stradiņa Vēstures muzeja darba pārskats no 2002. gada 1. jūnija līdz 2005. gada 1. maijam. *Acta Medico-Historica Rigensia*. VII (XXVI) sēj. Rīga, 2005, 397.–400. lpp.
- Salaks J. Eiropas Medicīnas Zinātņu un Vēstures muzeju asociācija (EAMHMS) pārmaiņu priekšā. *Acta Medico-Historica Rigensia*. VII (XXVI) sēj. Rīga, 2005, 413.–418. lpp.
- Latvijas Zinātņu akadēmijas akadēmiķis Jānis Stradiņš. Bibliogrāfija. Rīga : 1993.
- Stradiņš J. Paula Stradiņa dzimtas gaitas Sēlijā (Augškurzemē). *Acta Medico-Historica Rigensia*. VII (XXVI) sēj. Rīga, 2005, 109.–138. lpp.
- Stradiņš J., Salaks J., Vētra J. Creator. Professor. Administrator. Editor. Auctor. Homo. *Acta Medico-Historica Rigensia*. VII (XXVI) sēj. Rīga, 2005, 11.–32. lpp.
- Profesors Arnis Vīksna. Bibliogrāfiskais rādītājs. Rīga : 2002.
- Арон К.Я., Кронитис Э.А. К изучению новейшей истории медицины Латвии. // *Актуальные вопросы музееведения*. Рига : 1982, с. 38–41.
- Бакарджиев В. Некоторые впечатления о Риге и о Музее истории медицины имени Павла Страдыня. // *Павел Янович Страдынь – врач, ученый, человек*. Рига : 1967, с. 306–308.
- Егерман Я. Я. Воспоминания о П. И. Страдыне. Там же, с. 52–57.
- Еланский Н. Н. Воспоминания о Павле Яновиче Страдыне. Там же, с. 100–111.
- Канеп В. В., Блюгер А. Ф., Страдынь Я. П. Жизнь и деятельность П. И. Страдыня. Там же, с. 7–32.
- Лебедькова М. С. Музей истории медицины имени П. Страдыня – к 60-летию образования СССР. // *Актуальные вопросы музееведения*. Рига : 1982, с. 5–16.
- Рейнберг С. А. Страницы прошлого. // *Павел Янович Страдынь – врач, ученый, человек*. Рига : 1967, с. 58–82.
- Рудзит К. К. Фантазия, подвижность, упорство. Там же, с. 148–157.
- Страдынь Я. П. Будни жизни. Там же, с. 364–383.

Ever lasting monument to great humanitarian. Notes to Paul-Stradiņš-Museum of the History of Medicine 50th anniversary By Anatolijs Bļugers

By a full force we can assert the Riga Museum of Medicine History as a handmade monument to professor Pauls Stradiņš. Museum is an apotheosis of creative and organizing activities of the great scientist, doctor and public official.

Riga Museum of Medicine History occupies important position worldwide among the institutions of the same kind, as owns one of the biggest collection of items, documents, books, photos, articles of art and other exhibits showing the path of medicine history, as well as human activities in this field. Museum collection includes about 200 000 units for storage. Only 5% can be exhibited at the same time.

Riga Museum of Medicine History has earned considerable authority between the specialists of medicine as well as great popularity in masses thanks to responsible missions like: reflection of the history of medicine and human activities in this field, investigation on links between history of medicine and history of civilization. Museum also provides education activities. As a very special mission, developed by its' founder, serves investigation on the medicine history of Baltic States and Latvia at first.

Museum always used to serve as Center of Studies for history of medicine and management of museums of this kind. Center was a consolidator of activities of scientists in this speciality by publishing international summary *Acta Medico-Historica Rigensia*, by keeping a good ties with museums of this profile worldwide, by holding conferences and meetings on history of medicine and museums management. An important role plays grant, Pauls Stradiņš Award, established by museum and Latvia Academy of Sciences to stimulate investigations in history of medicine and, therefore growth of museum's authority.

The founder of museum, professor Pauls Stradiņš, was really charismatic person had earned enormous authority between colleagues and was very popular in society. Professor Stradiņš has entered the history and remains in the people memory not only as great scientist and doctor, founder of unique museum. First of all, professor was outstanding humanist, kind of moral standard to others, medical specialists at first.

Professors's descendants and successors kept, developed and enriched Riga Museum of History of Medicine. An important roles in these activities played by top managers of museum like: O. Krūmiņš, V.Šmits, H.Hanzena, M.Ļebedkova, K. Arons, E. Bērziņa. A special acknowledgement to academician of Russia Academy of Sciences V. Kaņeps. He contributed a lot in general development and strenghtening of museum. Important role in successful development of the establishment was played by professor's Stradiņš son, academician Jānis Stradiņš, well-known chemist and historian in natural sciences and medicine. He continued father's work with respect. Successful activities of museum are closely linked with

some popular historians in medicine science: academician A.Vīksna, professor J.Salaks, doctors of science A.Hazanovs, M.Pozemkovska, I. Duļevska.

Rīga Museum of History of Medicine has approached 50 years anniversary having considerable achievements investigating history of medicine, bringing this type of knowledge to people. Museum is full of ideas and plans for future nothing can stop this development.

Redakcijas vārdā izsaku dziļu līdzjūtību šā raksta autora, akadēmiķa Anatolija Bļugera tuviniekiem, kolēģiem un visiem kas pazina šo daudzpusīgo, erudīto, vienmēr darbīgo un optimistisko personību.

Akadēmiķis Anatolijs Bļugers vienmēr interesējies par savas specialitātes – hepatoloģijas – vēsturi, labi pārzināja Paula Stradiņa Medicīnas vēstures muzeja ikdienu, bija biežs tā viesis gan kā konsultants, gan lektors. Viņa bibliogrāfijā, it īpaši pēdējos gados, parādījās vairāki memuārraksti un monogrāfijas.

Akadēmiķa Anatolija Bļugera nopelnus novērtēja arī Paula Stradiņa Medicīnas vēstures muzejs un Latvijas Zinātņu akadēmijas Senāts, 2004. gadā viņam piešķirot Paula Stradiņa balvu par mūža ieguldījumu hepatoloģijas attīstībā un medicīnas speciālistu sagatavošanā Latvijā.

Akadēmiķis Anatolijs Bļugers vienmēr prata klātesošus pārsteigt. Vislabāk viņam tas izdevās lekcijās, kuras atceras visa mūsdienu Latvijas ārstu paaudze. It kā visiem negaidīta viņa aiziešana aizsaulē 2007. gada 21. jūlijā arī bija pārsteigums – tikai šoreiz ļoti skumjš un pēdējais...

Sit tibi terra levis

Juris Salaks